

КНИГА ДРУГА

С творчеством Микаэля Чикатуева я знаком давно, как впрочем, и многие другие любители поэзии. Я хорошо помню открытое, с крупными чертами лицо, медлительную походку и угловатые манеры юного горца, приехавшего в институт из далекого абазинского аула. Запомнились долгие споры — о поэзии, о прекрасном. Мы все наперебой предсказывали ему большую дорогу...

С той блаженной поры минуло без малого 15 лет. Для М. Чикатуева это были годы учебы, труда, напряженных исканий. От стиха к стиху, от книги к книге совершенствуется мастерство поэта, крепнет его поэтический голос. И вот передо мной его последний сборник «Ветка акации», вышедший недавно в Ставропольском краевом издательстве.

Если попытаться несколькими словами определить первое впечатление от знакомства с книгой стихов М. Чикатуева, то это прежде всего ощущение свежести и широты лиризма, эмоциональности, прозрачной ясности стиха. И хотя не все, может быть, в нем удачно, сборник не оставляет сомнений в том, что поэту удалось протоптать свою нехоженую тропинку, обрести свой голос в многоголосом хоре нашей многонациональной поэзии.

Книга открывается стихотворением «Искание». В нем речь идет о чуде творчества, о трепетном ожидании того внутреннего толчка, с которого оно начинается.

Я жду его
и все гляжу, гляжу
в ночную тьму.
И вслушиваюсь чутко
в таинственные шорохи ночные,
Как будто кто-то твердо обещал
прийти и нечто важное поведать...

Ночь, привычная для поэта пора творчества, как всегда, наполнена таинственными звуками, ночными шорохами. Тишина. Покой. Казалось бы, что еще нужно для вдохновения? Но...

...то, что звало меня — исчезло.
Куда исчезла ночь
стихотворений?..

Недостает чего-то важного,
необходимого; что наполняет душу
вопросами и тревогами, заставляет
ее вылиться в стихе:

Я вышел в сад,
где птицы щебетали
у пламенных деревьев на
верхушках.

И далеко-далече, на горе,
отсюда,
снизу,
еле-еле слышен,
катился голос маленькой речушки.
Алело небо, поднималось солнце,
И вот уже людских вопросов
звуки

за травами и ветками возникли
и, радуясь прохладе, поднялись
над белой вязью каменных оград.
— Ведь ты на сенокос идешь,

Кази?
Тогда не отставай от нас,
скорее!..

— А ты к своей машине, Рамазан?
— Ушла уж или нет, Кокана?
— Гайшат,
Гайшат, неси скорее
вилы!

— Эй, Буба!
Брось мне яблоко
сюда!..

Идут и едут в поле наши люди,
передавая новости друг другу,
к косилкам и на фермы торопясь.
И понял я, чего недоставало
мне, стихотворцу, в ночь
стихотворений.

Я не случайно так много цитирую
это, может быть, не самое характерное
для творческой манеры М.
Чикатуева стихотворение. Оно очень
важно для понимания пафоса книги. Оно
лучше и яснее всякого рода поэтических
деклараций демонстрирует ор-
ганическую связь поэта с родным

народом. В его жизни и труде, в его языке, в его обычаях щедро черпает поэт силы и материал для творчества.

В стихах М. Чикатуева живет ощущение радостного, гулко-го мира, счастье жизни и счастье понимания близких, простых, честных людей, у которых свои интересы, свои радости и горести — но такие близкие и попятные тебе. Кро-вное участие в судьбах соседей — а соседи ведь это не только спешащий на сенокос Кази или торопящийся к своей машине Рамазан, — а едва ли не все, кто трудится и умеет жить ясно и мудро — ощущение личной причастности ко всему, что делает народ — вот что сообщает поэтиче-скому голосу М. Чикатуева убежденность в правде того, что поэт видел и пережил:

Не стану говорить о человечестве,
но благодарен я своей судьбе,
что ею мне дано в моем отечестве
не опоздать ни в песне, ни в
борьбе!

Большинство стихотворений сборника овеяны тонкой поэтизацией родного края, гор и долин дорогой сердцу поэта Абазашты. Стихи эти покоряют читателя своей простотой, безыскусственностью интонаций, стройностью формы. В них нет исполненного энергии и силы порыва в область неизведанного, но достаточно внимательно прочитать такие стихотворения, как «Ты помнишь ли, Инжич?», «Холодный март», «Приходит ночь», «Выпал снег», «Дождь», «Мой край» и др., чтобы убедиться в том, что М. Чикатуеву присуща драгоценная способность открывать новое, неведомое в простом, обычном, знакомом.

Ведь сколько написано стихотворений, сколько создано метафор о быстрых горных реках Кавказа! Но М. Чикатуев высмотрел, отметил здесь то, что до него оставалось в тени, подчеркнув в образе глубоко народное восприятие природы — это и «склоны, по которым стекают ручьи, будто пенное молоко», и ручейки, что «рассыпались по

кручам, как будто козлята». Оставаясь с глазу на глаз с величественной природой Кавказа, М. Чикатуев умом и сердцем продолжает находиться среди своих соотечественников, всем своим существом постоянно ощущая эту неразрывную связь.

Народность лирических стихотворений М. Чикатуева органична, она редко провозглашается декларативно, но чувствуется в каждой строфе, в каждом стихе. И не только в произведениях, откровенно связанных с устно-поэтической традицией абазинского народа (кстати, характерных для М. Чикатуева — с этого и началась его поэзия), но и даже в интимных, камерных стихах о любви, дружбе, человеческих отношениях. Народность в таких стихах сочетается с душевной и интеллектуальной утонченностью современного человека.

Стихи М. Чикатуева задушевные. В большинстве своем они «не пойдут» для чтения с эстрады, скорее всего они предназначены для чтения наедине с собой. И это не достоинство, и не недостаток поэта, просто это особенность его поэтического голоса, его индивидуальности, которую надо ценить и уважать. Поэт обладает умением вести доверительный разговор с читателем с глазу на глаз, может поведать ему многое, проложить тропинку к сознанию читателя через свое сердце — отсюда и тот заряд лиризма и эмоциональности, который волнует и тревожит, рождает чувство «сопереживания» читателя с поэтом, чем, собственно, и жива настоящая поэзия.

Приведу одну из поэтических миниатюр «Ветка акации». Одноименное название книги говорит о том, что сам поэт, очевидно, придавал этой вещи программное значение:

О весне, что еще не пришла,
не скажу,
что пришла и сверкает.
И о ветке, что не расцвела,
не скажу:
— расцветает...

ней, во многом способствует созданию самобытности его стиха. Именно здесь истоки той «Антеевой непобедимости», которой пожелал своему младшему брату К. Кулиев в предисловии к рецензируемой книге. Всего лишь одна деталь в цитируемых выше стихах — «над шумными речками тихо деревья цветут» — потребовалась поэту для того, чтобы в сознании читателя нарисованную им картину мира «наложить» на родную Абазашту — и насколько понятнее, поэтичнее, по-интимному ближе стали для читателя и восторг, и тревога поэта. Большинство его стихов — с точно указанным или легко устанавливаемым местом и временем действия, с названным адресатом. Об этом свидетельствуют даже заголовки некоторых стихов: «Моим друзьям», «В Эльтаркаче», «Дорога в горы», «Я в сад вошел», «Холодный март», «Родная улица», «Мой край», «Дворник», «Утро в ауле» и т. д.

Несколько слов хочется сказать о мастерстве перевода. С этой задачей, на мой взгляд, успешно справился известный поэт Владимир Гнеушев. Он тонко чувствует «сквозную» тональность лирического голоса своего брата по перу и выдерживает ее до конца. В. Гнеушев хорошо знает творчество М. Чикатуева, круг его образов, его художественное мировоззрение: именно поэтому под его пером ожили подстрочники, ему удалось вдохнуть в них жизнь. Конечно, можно указать на не совсем удачные места, можно выискать отдельные строчки и слова, «подогнанные» ради рифмы — но не эти редкие просчеты определяют ценность большой, любовно выполненной работы поэта, которая, несомненно, заслуживает благодарность всех, кому дороги интересы и судьбы нашей современной многонациональной поэзии.

АЛЕКСАНДР ЛАГУНОВ.